

© 2003 г.

С. ФЛЕРЕ

ПРИЧИНЫ РАСПАДА БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

ФЛЕРЕ Серж - с 1971 по 1991 г. преподаватель социологии университета Нови-Сад (Югославия), затем университета Марибор (Словения).

Введение. Распад бывшей Югославии привлек научное внимание (не говоря уже о вненаучном) большого числа исследователей, включая социологов, преимущественно из стран, затронутых этим процессом. Объяснение событий истинной или приписываемой глубиной, - заманчивая и сложная задача, особенно если использовать простые социально-психологические факторы. Распад бывшей Югославии в 1991 г. - пример такого объяснения. Было ли это, включая насилие, неизбежным следствием многонационального состава государства, природы наций и их отношений, сложившихся за 70 лет существования в одном государстве?

Основной пример необъективности, в том числе социологов, связан с этнической линией интерпретации действий двух основных участников (хорваты и сербы) пост-югославского конфликта 90-х годов. Хорватские социологи считают конфликт агрессией сербов, присущей их национальному характеру [1,2], иногда облагороженной рациональным выбором [3, S. 365-378]. Сербские социологи [4, 5, p. 167-187] акцентируют мировое измерение этого события и роль международного сообщества, в основном описываемую как тайный заговор всего мира против сербского народа. Обе школы, хорватская и сербская, принижают категорию этнонационализма до уровня простого "противодействия". Социологи из других образований бывшей Югославии реже приводили объяснения такого рода (за исключением [6]). Литература по этим вопросам велика. Будучи лишенным возможности рассматривать весь корпус используемых в ней аргументов, я остановился на предубеждениях, наиболее характерных для англоязычной социологической школы (С. Мештрович и его коллеги). От нее можно было ждать, по крайней мере, отсутствия предвзятости.

Авторитаризм. Основное социально-психологическое объяснение распада Югославии построено на тезисе о несовместимости между авторитарностью одной стороны, и отсутствием авторитарных черт у другой. Идея авторитаризма как причины коллапса Югославии разработана американским социологом С. Мештровичем и его коллегами в книгах 1990-х годов. Мештрович, вслед за Динко Томазиком, которого называли "Вебером коммунизма" и "Токвилем славян" [7], сочетает идею авторитаризма по Т. Адорно [8] с несовместимостью культур сербов и хорватов. Сербы, как считается, произошли от уральцев и алтайцев [7, p. 50, 51]. Они традиционно были пастухами. Им приписываются проявления типа "социального характера", в котором доминирует авторитаризм, проявившийся в "жажде власти и агрессивности", тенденциях "автократии", "недоброжелательности, обмане, беспорядочном видении мира". Это сделало их "эмоционально неуравновешенными, жестокими, бунтующими и жаждущими власти личностями". Более того, "дезорганизованная структура личности или тип социального характера, которые предшествовали коммунизму" должны рассматриваться в совокупности с "хроническим алкоголизмом" и высоким уровнем самоубийств. В противоположность им католические народы, особенно словенцы и хорваты, обнаруживают "универсалистскую базу, тенденцию движения к плюрализму, признание ценностей, связанных с правами человека, а также европейскими политическими идеалами" [7, p. 63, 64, 36].

Томазик (1948) проводит сравнение двух типов традиционного общества на Балканах [9, p. 86, 171, 173 и др.]: Динарик куча и Задруга¹. Он сопоставляет этногенетические, культурные, психологические и политические черты двух образов жизни. Динарик куча, по Томазику, связана с неотчуждаемым правом владения недвижимостью и авторитарной формой правления. Лица мужского пола не могут полностью реализовать здесь свои возможности. Государственная власть насаждает набор черт, присущих этому обществу: стремление к власти, эмоциональная нестабильность, злоупотребление доверием, жестокость, склонность к применению пыток и насилию, предательство, кровная месть, иллюзия и т.д. В противоположность этому типу общества, задругский домашний очаг и само общество, основанное землепашцами, характеризуются чертами: "общий дух веселья", "ликование", гармония ("избежание конфликтов"), неприятие насилия, свободное выражение беспокойства и страха, "сильное ограничение семейного влияния и политической власти", достижение "всеобщего благоденствия", общественное благо, "дети рождаются в благоприятных условиях", "отсутствует выра-

¹ Динарские Альпы - нагорье на западе бывшей Югославии. По Д. Томазику, Динарик куча (букв. - Динарский дом) - основа "динарской культуры". Томазик пишет: "...земледельцы жили в задругах в долинных равнинах между Дравой и Савой. Задруга в целом считается формой земледелия славян. Динарская культура в принципе идентична культуре и социальной организации урало-алтайских овце- и коневодов, вторгшихся в Европу..." [9, p. 11].

женная стратификация" и т.д. Томазик формулирует два типа, первый из которых он связывает с сербами, а второй с хорватами (упомянув при этом и другие народы Балкан, но не анализируя их). Такая неопределенная связь была бы допустима, если бы допущения были эмпирически подтверждены. К сожалению, его описание не основано на изучении балканского и югославского типов общества, а в основном затрагивает эмоциональные этнографические заметки путешественников. Его исследование роли религии также в основном ограничивается утверждениями типа: "...Католическая церковь в регионах Динарика была инструментом для ослабления клановых связей и уничтожения древних обычаев, которые не соответствовали христианскому учению" [9, p. 86].

Более того, семьи многих поколений на Балканах не были напрямую связаны с одной нацией, оказавшись группой, известной как задруга. Она характеризуется совместным владением недвижимым имуществом и другой собственностью, неотчуждаемостью недвижимого имущества, иммобилизмом мужчин (они не покидают семьи), подвижностью женщин (уход из семьи в случае замужества) и последующим низким социальным положением их, относительно низким положением детей в семье [10, S. 345].

Эта группа, по мнению В. Эрлих, отличалась от южных славян. Она просуществовала до начала XX в. (за исключением Словении), везде шаг за шагом теряя силу под влиянием модернизации. Поэтому основная теоретическая ошибка Томазика состоит в противопоставлении кучы и задруги. На деле, несмотря на региональные, религиозные и другие отличия и степень разложения, они представляли один тип. Нет необходимости формировать две противоположные группы. Следует говорить об эволюции задруги, ее постепенном исчезновении и о региональных отличиях.

Это предположение можно проверить эмпирически, но не в узком смысле, в котором различные авторы употребляют слово "авторитаризм" и противоположные ему термины. Проверим наличие авторитаризма в его классическом значении, введенным Адорно и его коллегами.

Данные 1990-1991 гг. взяты из исследований под названием "Уровень жизни", проведенных Институтом социальных исследований Университета Любляны на основе выборки более чем 14 тыс. совершеннолетних граждан [11]. Условия для сбора информации были достаточно приемлемыми в большей части регионов (с оговоркой относительно Косово). Они собраны за несколько месяцев до исчезновения Югославского государства в 1990-1991 гг. Наличие авторитаризма может быть подтверждено тремя составляющими: ("Без руководителя, каждый народ является как бы обезглавленным", "В мире два типа людей: сильные и слабые", "Основное правило, которому должны учить детей, - подчинение родителей"). Существует четвертая составляющая, но она обычно не принималась во внимание, по причине ее несоответствия, как эмпирического, так и смыслового: "Начальникам нужно подчиняться, даже если они не правы". Неясно, являлись ли эти "начальники" социалистическими или новыми лидерами, представителями коммерческой сферы или этническими популистами, мелкими собственниками или менеджерами, а возможно прежними аппаратчиками.

Результаты исследования указывают, что в бывшей Югославии авторитарные ориентации абсолютно преобладали во всех регионах, республиках и провинциях. По шкале от 1 до 3 средняя распространенность авторитаризма - 2,44. Преобладание авторитаризма можно рассматривать как результат экономического кризиса, сопровождаемого де-легитимацией всей системы институтов. Его можно связать с "домодерным" образом жизни общества. Такая ситуация - благоприятная социально-психологическая почва для политиков-демагогов: сторонники авторитаризма прибегают к манипуляциям, раздувают коллективные страхи.

Среди основных этнических групп албанцы и македонцы более авторитарны. Авторитаризм идет на убыль с запада на восток бывшей Югославии. Самые западные регионы первыми перешли к многопартийной системе. Сербь, по классификации Парето являющиеся "львами", подавляли перемены в политической системе. Однако среди сербов мы не наблюдаем тенденции к авторитаризму выше среднего уровня, как

предполагает Мештрович. Более того, у словенцев выше среднего показатель авторитаризма, у сербов этот уровень чуть ниже среднего. Наличие и интенсивность авторитаризма, очевидно, связаны с уровнем образования и практически полным отсутствием противников авторитаризма в необразованной части населения. Различия между нациями нельзя связывать только с разными уровнями образования. Необходимо отметить, что считавшие себя югославами² (в этническом смысле) менее всего подвержены авторитаризму. Они - единственная группа с очень низким уровнем анти-авторитарной ориентации. Интересно, что черногорцы также стоят относительно низко на шкале авторитаризма, что не соответствует традиционному стереотипу их воинственности.

Кроме авторитаризма, что можно интерпретировать как почву, благоприятную для политических манипуляций (и увеличения числа этнических националистов, ксенофобов и политиков, занимающихся популистской демагогией), эти данные не фиксируют каких-либо значительных различий. Более того, они не подтверждают различий, о которых говорит научная литература, в вопросе сербского авторитаризма, авторитарных позиций и типов личности, порождающих диктаторов. Напротив, в начале 90-х годов македонцы нашли мирный (для того времени) путь выхода из Югославии, оставшись в результате без харизматического лидера. В свою очередь сербы и хорваты, выдвинув большую часть харизматических лидеров и политиков, практикующих этнонациональный популизм, в 90-е годы не были авторитарны. Значит авторитаризм скорее связан с традиционализмом, чем с тем, что ему приписывают [8].

Наш анализ авторитаризма основан, прежде всего, на гомогенности (в статистическом смысле) всех трех перечисленных составляющих. Однако мог ли анализ отдельных составляющих представить иную картину авторитаризма накануне распада? Ни один из трех пунктов не предвещал неожиданностей. Исследования молодежи (1998 г.) по проблеме распада Югославии давали тот же результат. Исследование проводилось путем анкетирования. Молодежь в Хорватии была авторитарна немногим ниже среднего уровня (37% в сравнении с 51% по всей выборке), в то время как показатели по сербской молодежи не отклонялись от средних величин [12, S. 189].

Эти результаты можно трактовать так: многопартийная демократия и мягкий переход к ней "спасли" Словению и Македонию от возможного установления этноцентристского режима и конфликтной политики (Македонию лишь на время). Они также делают неправдоподобным любое предположение о наличии глубокой культурной базы для демократизации. Переход к демократии не был культурно и социально-психологически глубоко укоренен в среде какого-либо этноса. Напротив, этот вопрос в основном решался внутри элиты, где преобладали или не преобладали умеренные силы.

Эмоциональная неустойчивость. Говоря о социальной психологии, интересно обсудить показатели эмоциональной неустойчивости и дезорганизации личности, на что ссылаются Мештрович [7, p. 59-81] и другие авторы. Рацкович, на опыте психиатров, подходил к проблеме в узком смысле, связывая деятельность хорватов в критические моменты истории с кастрационным комплексом, сербов - с эдиповым, а мусульман - с анальным комплексами [13, S. 128-129]. В ранней антропологической литературе В. Эрлих отмечает у людей, призванных на военную службу в Австро-венгерские вооруженные силы из Боснии и Герцеговины, частые диагнозы психологических проблем [10, S. 383-387], не уточняя причин, по которым эти этнические группы стали предметом рассмотрения.

Мештрович связал авторитаризм с эмоциональной неустойчивостью, выраженной в злоупотреблении алкоголем, играющим роль отдушины [7, p. 64]. Действительно, уровень потребления алкоголя в Сербии и восточной части бывшей Югославии значителен. Результаты исследований, о которых идет речь, указывают на характерные от-

² В бывшей Югославии лица, родившиеся от смешанных браков, могли записывать в документы свою национальность как югославы.

личия, но не подтверждают тезис, что православные верующие являются сильно пьющими. От культурных факторов, судя по всему, зависит регулярность употребления алкоголя: ислам запрещает его потребление. Характерно, что запрет влияет только на этнических албанцев, не распространяясь на мусульман/босняков, как известно, вступивших в полосу модернизации. Связь дозволенности в обществе употребления алкоголя и модернизации трудно не заметить. Фактически есть лишь две, преимущественно католические нации, где слегка превышен средний уровень потребления алкоголя, - хорваты и словенцы. Такие же показатели у них и по потреблению транквилизаторов. Исследования проявлений беспокойства, депрессии и других психических проблем не подтверждают высказанных предположений. Средний уровень психических проблем составлял 6,8%, что, несомненно, ниже сегодняшних показателей.

Из ранних исследований выделю работы В. Эрлих по югославской семье, начиная с 1930-х гг. Она отмечала незначимые различия уровней потребления алкоголя в Сербии, "христианской Боснии" и континентальной Хорватии. Более половины мужского населения "христианской Боснии" потребляли алкоголь в значительных дозах. Два других региона незначительно отклонялись от этого показателя. Частота и количество потребляемого алкоголя у боснийских мусульман росли после первой мировой войны [10, S. 322-329]. Автор прибегала к теории "эмоциональной неустойчивости", считающей алкоголь отдушиной, особенно для сербов.

Другим, возможно наиболее ценным, свидетельством эмоциональной неустойчивости и дезорганизации личности могут быть показатели уровня самоубийств. Мои работы [14, 15] по этой проблеме выявили, что в 80-е годы уровень самоубийств в Югославии колебался в диапазоне показателей 1,6-1,8, с небольшой тенденцией к увеличению. В Хорватии этот уровень составлял 2,12 в 1982 г. и 2,33 в 1986 г. В Словении - соответственно 2,42 и 3,42, что выше среднего уровня самоубийств по Югославии. У мусульман (0,94, 0,88), особенно албанцев (0,02 и 0,02) этот показатель низок. Сербия и черногорцы имели показатели среднего уровня Югославии. Эти различия можно объяснить религиозными факторами, но проще и достовернее связать их с модернизацией. Однако основной вывод из двух данных состоит в том, что уровень самоубийств был выше в северных частях страны, а в особенности в придунайском поясе бывшей Югославии.

Этническая стратификация. Летица и Мештрович [1] часто повторяют голословное утверждение, извлеченное из научной литературы [см.: 16], о том, что распад югославского государства не только результат доминирования одной национальности, но и проявление социальной стратификации. Одна нация имела доминирующее влияние в политике, и такое ее положение определялось социальной структурой. Летица ссылается на результаты исследований стратификации бывшей Югославии, проведенных Лазичем. В статье "Генезис современной войны на Балканах" Летица, рассмотрев социальную стратификацию бывшей Югославии, смело утверждает, что этническая стратификация выражалась уже в том, что «социальный статус сербов делал их чем-то вроде "правящей нации" в Хорватии». Взывая к Лазичу (но не цитируя его), Летица подчеркивает, что сербы пропорционально были чрезмерно представлены в Коммунистической партии Югославии, "что являлось необходимым условием движения наверх". Он сослался и на то, что "схожая система существовала в элите, сосредоточившей всю политическую и финансовую мощь". Он отметил: "исследование демонстрирует легкость, с которой сербы, а точнее "югославы", получили государственное жилье, в отличие от хорватов" [1, p. 96, 97, 98]. "Легкость", о которой говорит Летица, трудно измерить или проверить, но вероятно он имеет в виду, что сербы и югославы чаще получали государственное жилье (официально учрежденная система так называемых "жилищных прав").

Лазич эмпирически изучил стратификацию в Хорватии накануне распада бывшей Югославии. Он тоже рассматривает жилищный вопрос, но его результаты полностью расходятся с утверждениями, приписываемыми ему. "Хорваты живут в несколько более просторных квартирах, чем сербы и югославы (хотя статистически различия не

значительны), их квартиры также лучше оснащены, но югославы, наряду с сербами, чаще получают жилищные права" [17]. Конечно, это только одна деталь стратификации, но Лазич склоняется к тому, что она достаточно важна. Тем не менее, результаты исследований Лазича полностью отличны от аргументов Летицы и Мештровича: "Ни хорваты, ни сербы в значительной степени не были представлены (в начале 90-х годов) ни в самом верху, ни в самом низу социальной лестницы" [17]. Лазич не утверждает, что стратификация рассмотренных этнических групп полностью идентична. Сербы в основном были земледельцами и неквалифицированными рабочими, имели низкий образовательный уровень и чаще работали в охране и силовых структурах. Но он предупреждает, что, как правило, их должности имели рутинный характер: надсмотрщики, сторожа, полицейские. Лазич критичен к социальной системе бывшей Югославии. Он считает, что в этом обществе доминирует класс "коллективных собственников" и признает, что политика этнического равенства в бывшей Югославии имела определенные результаты в сфере стратификации: у сербов выше мобильность при изначально низких стартовых возможностях в рамках Хорватии.

Нет сомнения, что в Хорватии сербы чаще состояли в Союзе Коммунистов. Но этот факт следует корректно интерпретировать. Во-первых, само по себе членство фактически для большинства не означало получения какой-либо доли властных полномочий, так как Союз Коммунистов был организацией, гигантской по размерам; важнее было бы изучить состав элит. Во-вторых, членство в Союзе Коммунистов следует анализировать с позиции его как инструмента социальной защиты и определенной безопасности этнического меньшинства. Членство югославов в Союзе Коммунистов - это форма социального капитала, благоприятствовавшая социальной мобильности и социальному контролю. Лазич объясняет это историческим фактором: сербы чаще сражались в партизанском движении вне Сербии, что способствовало поддержке ими Коммунистической партии, ее использованию как средства социальной мобильности в условиях недостаточных, по сравнению с хорватами, ресурсов образования. Однако этот процесс завершился с началом распада Югославии [17, с. 181-184]. И, наконец, следует учитывать определенную культурную близость православия с коммунизмом, хотя здесь достаточно легко быть предвзятым.

Для членства в Союзе Коммунистов этническая принадлежность не настолько универсально структурирована в просербском тренде. В 1991 г. по данным Светлика [11], сербы чрезмерно представлены в нем, если брать в целом Югославию. Но, если говорить только о Сербии начала 90-х годов, число сербов в Союзе немного ниже средних показателей (18,8% против 19,9%). Этот вывод подтверждает мой довод о социальной (а не культурной) природе этого явления. Уместно в историческом плане указать, что сербы именно из Сербии не были сторонниками Тито. Много сербов было и среди вышедших из Союза, что Летица также не учитывает. В условиях, когда члены Коммунистической партии - большая часть активного населения страны, для определения элиты уместнее, показательней иной критерий.

Результаты исследований 1991 г. позволяют рассматривать вопрос этнической стратификации с использованием социологических данных. Обратим особое внимание на некоторые измерения социальной стратификации. Когда в 1991 г. респондентов спрашивали о связи их профессии с решением административных задач (менеджмент, руководящая должность), этническая принадлежность не выявила реальных привилегий какой-либо этнической группы. Определенные отклонения обнаружены для малочисленных групп.

В Югославии проводилась политика этнического равенства. Однако она не привела к достижению этнической гармонии. От этнической стратификации как одной из причин распада Югославии можно решительно отказаться. Одним возможным исключением могут считаться армия и полиция, не имевшие особого значения при нормальном функционировании политической системы. Но их роль особо проявилась при распаде федеральной армии в 1991-1992 гг., но это, однако, было обусловлено не этническим фактором, а дефектом политической системы, оставившей вооруженные силы

без главнокомандующего. При нормальном функционировании государства Югославия этнический фактор не влиял заметно на продвижение по служебной лестнице представителей какой-либо этнической группы. Не существовало также непосредственного влияния этого фактора на перемены в социальной стратификации. Ни один из авторов, изучавших социальную стратификацию Югославии на ее заключительном этапе, не уделяет внимания этим вопросам [18, 17, 6].

Нет эмпирических оснований считать, что в бывшей Югославии существовала правящая нация (мы не затрагиваем вопрос об институционализации преобладания одной нации, так как это очень сложная задача). Разумеется, некоторые национальности были многочисленнее, что вело к их большему представительству на управленческих, руководящих должностях. Главные диспропорции выражены сверх-представленностью черногорцев в исполнительной власти и недопредставленностью албанцев, - менее образованных и развитых. Что касается группы "югославов", отошлю читателей к специальной статье [см. 19].

Вопросы стратификации и распада Югославии подробно изучены Хафнер Финком по данным опросов 1987 г. и статистики. Он выделил основные различия между республиками и регионами бывшего государства, в основном относящиеся к уровням модернизации и культурным традициям, а не к системному, привилегированному положению какой-либо национальности. Различия в положении классов определялись их размерами. Чем ниже социальный статус класса, тем больше он был представлен в Косово и меньше в Словении. Обратное наблюдалось в отношении высшего класса. По типу стратификации, как выяснил Хафнер Финк, только административный район Косово отклоняется от основного, базового паттерна (образца): там экономическое положение зависело не от образовательного уровня и занимаемой должности. Прежде всего, оно связано со слаборазвитостью Косово: низкий уровень экономического развития, высокий уровень безработицы и неграмотности, исключительно высокий уровень способности к воспроизведению потомства - в сравнении со всеми прочими образованиями бывшей Югославии, наличием семей, состоящих из нескольких поколений, и др. [6, S. 66, 125-127]. Очень важно, что социальное положение не связано с политическим, что усиливает отрицание часто звучащего утверждения о доминирующей роли стратификационных факторов при югославском социализме. Хафнер Финк допускает лишь преобладание политической сферы, общеидеологической пропаганды. Создается картина, на которой образовательная иерархия - основное стратификационное измерение [6, S. 75-92]. Однако нет речи о культурной несовместимости наций. Автор заключает: "социальные расхождения, приведшие к распаду государства, не совпадают полностью с границами республик" [Там же, S. 189].

Этническое размежевание. Еще одним способом объяснения распада Югославии некоторые социологи считают рост социальной дистанции (приводя показатели межэтнических браков): перед распадом Югославии социальное размежевание якобы увеличилось, став глубинной причиной этого процесса.

Этническое размежевание эмпирически в бывшей Югославии основательно исследовали социальные психологи Пантич и Бачевич. По их данным после 1966 г. уровень этнического размежевания в основном снижался, а в 1980-е годы поднимался. Констатируются культурные, лингвистические, исторические и другие особенности, а также различия в вероисповедании. Факт тенденции к размежеванию во второй половине 80-х годов мог бы объяснить как распад государства, так и утверждение об определяющем значении этнического размежевания у словенцев и албанцев. Политические ориентации этих наций можно определить как склонность к сепаратизму или национальной эмансипации. Среди остальных групп это явление было минимально и в наименьшей мере проявляется у тех, кто считает себя югославами [20, S. 103-105]. В любом случае не подтверждается тезис, что распад Югославии не сопровождался политическим подстрекательством.

Ходсон и его коллеги [21] по-своему отрицают наличие глубокого этнопсихологического конфликта, как причину распада Югославии. Они показали ряд свидетельств "этнической терпимости" в бывшей Югославии. Они считают, что этнический конфликт - результат численности этнической группы, а "в наиболее однородных образованиях предпосылки вооруженных конфликтов практически отсутствуют" [21, p. 1554-1555].

Детальный анализ этнического размежевания в бывшей Югославии указывает на то, что крупные этнические группы были более открыты. Культурные отличия от сербскохорватского языкового большинства играли важную роль (албанцы и словенцы проявляли большую степень отдаленности). Ситуацию усложняло наличие группы лиц, считавших себя югославами в этническом смысле: они наиболее терпимы, открыты и универсальны. Во второй половине 80-х годов разразился общий кризис, возобладал авторитарный образ мыслей, понадобился "козел отпущения", углубилось размежевание. Показатели этого процесса в Югославии перед ее распадом имеют аналоги в Европе. В Финляндии 2/5 населения не готовы были признать мусульман даже в качестве соседей. Сходные по показателям социального размежевания румыны и словаки имели более 30% населения, считавшего такое соседство нежелательным. То есть, рост размежевания в обществе в 80-е годы не мог стать фактором, обусловившим распад бывшего государства. Еще менее он мог быть причиной войны, развернувшейся в местностях с весьма низким уровнем социального размежевания - Хорватия, Босния, Герцеговина.

Выводы. Социологические объяснения сложных явлений необходимы и возможны. Но многие исследования по вопросам распада Югославии необъективны, продиктованы преходящими обстоятельствами. Социологическое объяснение события и явления предвзятыми характеристиками национальностей не имеет ничего общего с современной теорией.

Внимание следует уделять взаимодействию следующих факторов и условий:

1. Особый набор исторических решений и событий, связанный с навязанным силой политическим и институциональным строем. Этот строй не был следствием внутреннего консенсуса в Югославии и не связан с процессом демократизации в XX в. Этот фактор вытекает из истории Югославии до и после второй мировой войны.
2. Условия постмодерна: государство утрачивает значение, которым оно обладало век назад.
3. Крушение государственного социализма, повлекшее за собой общий развал и переустройство общества.
4. Особая роль СМИ, разжигавших ненависть в конце 80-х годов.
5. Конец уникальной роли Югославии, как буферной зоны между "лагерями" холодной войны, внешние факторы, активизировавшие внутренние конфликты.
6. Роль старой элиты и новых претендентов на это место в конце 80-х годов, когда стало очевидно, что коммунизм рухнет во вновь возникавших государствах. Элиты пытались сохранить или получить власть, провоцируя дезинтеграционные процессы, создание новых государств (успешные или не доведенные до конца, в особенности "Великая Сербия"). Эти обстоятельства достаточно объясняют распад Югославии, но нуждаются в уточнении, в объяснении взаимодействия факторов.
7. Созревание национальностей, их стремление создать свои государства. Способ, посредством которого народы Югославии к полосе кризиса 80-х гг. были объединены по национальному признаку, не мог стать новой базой единой нации.

Таковы основные факторы. Формы кризиса, геополитических изменений, использование пропаганды и злоупотребления ею, поведение старой и новой элиты, их лидеров, а также их взаимодействие, — все это имеет смысл только в рамках утверждения: народы Югославии созрели, достигли "совершеннолетия" и фактически не нуждались в многонациональном попечителе или покровителе. Понимание наций как социальных фактов (по Дюркгейму) помогает отбросить в сторону не относящиеся к делу утверждения (видимость серьезных конфликтов между словенцами и сербами, различные повседневные события и личности, и т.п.).

Больше не было нужды в Федеративном государстве Югославия, даже если бы она была лучше организована и более легитимна. Во времена существования Югославии основные этнические группы развивались как отдельные, особые единицы в культурной, экономической и других областях, имея лишь оболочку общего государственного строя. Структура федерации, несмотря на авторитарное содержание, была полиархична. Полиархия имела многонациональную природу, благоприятствуя развитию отдельных этнических групп и их политических образований внутри Югославии. Проводимая Тито политика этнического равенства противодействовала в рамках этого процесса возникновению отдельных этнических образований, формированию консенсусного, всеобщего многонационального единства, поскольку лидеры этих образований все более зависели от собственной этнической властной базы. Фактически Югославия была сформирована на основе национальных, а не институционально-территориальных единиц. Это иллюстрируют различия судеб моно-этнического Косово и многонациональной Воеводины, не говоря уже о последовавших войнах.

Факты о Югославии, включая ее распад, соответствуют теории национальностей в эпоху модерна: Югославия была средством "строительства наций" словенцев, хорватов, босняков, македонцев, албанцев и даже черногорцев, в меньшей степени для сербов, и точно не мелких этнических групп. Это имело место, несмотря на то, что сами они почти не знали об этом и считали государство Югославию одним из главных институтов. История вершилась за спиной наций Югославии. В создании наций из большого числа национальностей в рамках единого федерального государства Х. Ситон-Уотсон когда-то с полным основанием увидел процесс создания "новых наций" [22].

Распад Югославии связан с общей социальной модернизацией. С сегодняшних позиций различия уровней модернизации этнических единиц и регионов можно определить как факторы, стимулирующие дезинтеграцию не сами по себе, а через рост этнонациональной идентичности и понимания Югославии все больше и больше как "оков" для собственного этнонационального развития. Проясняется роль религий: несмотря на многочисленные декларации о поддержке терпимости, религия "не является ее выразителем или рычагом в той же степени, в какой она выражает часть национальных идентичностей" [23, p. 13].

Картину распада Югославии можно представить как альянс этнических политиков и интеллектуалов (так называемых независимых, оппозиционных или диссидентских интеллектуалов), сформировавших коалицию ради разжигания чувств этнической фрустрации и безотлагательного действия (объясняя причину кризиса своих государств в терминах несоответствия положения их нации внутри Югославской федерации). Старые и новые элиты того времени (в некоторых странах, например Хорватии, политиков почти не было) использовали идеологию этнической ненависти для очернения других групп ради развала коммунизма, в борьбе за формирование новой политической элиты. Эти новые элиты (в каждом новом государстве) использовали, нередко не по назначению, любые средства пропаганды в самых разнообразных формах, включая то, что сегодня называется разжиганием ненависти, особенно путем распространения слухов, пробудивших глубоко укоренные коллективные страхи. Телевидение имело наибольшее значение. Югославская драма, начиная с конца второй половины 80-х годов, стала драмой симулякров. Телевизионные истории, не обязательно правдивые, служили мобилизации масс, не многим отличающейся от гитлеровской ксенофобии, рассказов о мнимых жестокостях. Отсутствие пан-югославской телевизионной системы стало фактором, позволившим элитам монополизировать "правду".

На более глубоком уровне Югославия тех времен столкнулась с невозможностью адаптировать политическую и экономическую систему СФРЮ к изменившимся условиям окружающей среды, особенно по институциональным причинам. Это означало, что кризис легитимности не мог привести к устойчивой трансформации политической системы, даже, вероятно, при помощи извне (за исключением протектората, который трудно представить).

На самом глубоком уровне многонациональное государство Югославия не могло действовать бесконечно по причине этнических конфликтов в прошлом, почти исключительно на протяжении XX в., раздувания идеологами всех крупных этнических групп любого кризиса до размеров драмы и апокалипсиса, акцентирования того, что нации становились зрелыми "социальными явлениями".

Перевод с английского Н.С. ТОНКО ВОЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mestrovic S.G.* Genocide after Emotion. The Postemotional Balkan War. L.-N.Y., 1996.
2. *Sakic V.* Opći okvir proučavanja srpske agresije na Hrvatsku 1991 // Društvena Istrazivanja. 1993. (21), p. 217-245.
3. *Stulhofer A.* Testirajući teorije etnickog sukoba: Occamova ostrica i pocetak rata u Hrvatskoj / Društvena Istrazivanja. 1993. (21).
4. *Peculic M., Nakarada R.* Slom Jugoslavije I konstituisanje novog svetskog poretka. 1995 / *Nakarada R.* Evropa I raspad Jugoslavije. Beograd. 1995.
5. *Obrenovic Z.* Raspad Jugoslavije u svetlu dva drzavotvorna projekta I pomoc medunarodne zajednice / Sociologki Pregled. 1994. (XXVIII).
6. *Hafner M.* Socioloska razsejza raspada Jugoslavije. Ljubljana, 1995.
7. *Mestrovic S.G., Letica Z., Goreta M.* The Habits of the Balkan Heart. Social Character and the Fall of Communism. Kingsville, TE. 1993.
8. *Adorno Th., Frenkel-Brunswik R., Levinson D.J., Stanford N.R.* The Authoritarian Personality. N.Y. 1950.
9. *Tomasic D.* Personality and Culture in Eastern European Politics. N.Y. 1948.
10. *Erlich St.* Jugoslavenska porodica u transformaciji: Studija u tri stotine sela. Zagreb. 1991.
11. *Svetlik I.* (head of research) Social Structure and Level of Living. Ljubljana. 1991.
12. *Pantic D.* Vrednosti mladih u vreme krize. 1990 / *Mihajlovic S. et al.* Deca Krize. Omladina Jugoslavije krajem osamdeseti. Beograd: Institu drugtvenih nauka. 1990.
13. *Raskovic J.* Luda zemlja. Beograd. 1990.
14. Demografska Statistika 1982. Beograd. 1986.
15. Demografska Statistika 1988. Beograd. 1990.
16. *Flere S.* Cognitive Adequacy of Sociological Theories in Explaining Ethnic Antagonism in Yugoslavia / *Rupesinghe K., King P., Vorkunowa O.* Ethnicity and Conflict in a Post-Communist World. N.Y. 1992.
17. *Lazic M.* Sistem i slom. Raspad socijalizma I struktura jugoslavenskog drugtva. Beograd. 1994.
18. *Lazic M.* U susret zatvorenom drugtvu. Zagreb. 1987.
19. *Sekulic D., Massey G., Hodson R.* Who were the Yugoslavs? Failed Sources of Common Identity in the Former Yugoslavia // American Sociological Review. 1994. (59), p. 83-97.
20. *Pantic D.* Nacionalna distance gradana Jugoslavije / *Bacevic L.* Jugoslavia na kriznoj prekretnici. Belgrade. 1991. p. 97-109.
21. *Hodson R., Sekulic D., Massey G.* National Tolerance in the Former Yugoslavia // American Journal of Sociology. 1994. (99).
22. *Seton-Watson H.* Nations and States. L. 1977.
23. *Ruby J.* Bitter Icons // New Left Review. 2000. (Series 2 : 7), p. 5-15.